

М. В. Новиков, Т. Б. Перфилова

**Духовная жизнь народа: новое направление
в творчестве Ф. И. Буслаева в эпоху господства культуры романтизма**

Выполнено по государственному заданию Минобрнауки России

Рассматривается вопрос о влиянии представителей немецкого романтизма, и прежде всего Я. Гримма, на выбор теоретико-методологических предпочтений раннего Ф. И. Буслаева. Отмечается, что Ф. И. Буслаева привлекали в романтизме «безотчетные верования во все возможное и невозможное, высшие полеты в неведомые, таинственные области, религиозное поклонение искусству для искусства». Подчеркивается, что Ф. И. Буслаев оставался верен интересу к психологическим аспектам, детерминирующим поведение человека, на протяжении всего своего дальнейшего жизнетворчества, хотя «заразился» романтическими унастроениями в самом начале своей ученой карьеры. Отмечается, что важнейшей заслугой романтиков, в отличие от просветителей, относившихся к народу с пренебрежением, с высоты, было включение темы народа в литературу и искусство, проведение большой работы по изучению родного языка и народного творчества.

Ключевые слова: немецкий романтизм, русский романтизм, «народный дух», национальная старина, история языка, народные предания, мифологическое сознание.

M. V. Novikov, T. B. Perfilova

**Spiritual Life of the People: a New Direction
in F. I. Buslaev's Works during the Era of Romanticism Culture Domination**

The question of influence of German romanticism representatives is considered, and first of all Ya. Grimm, at choice of early F. I. Buslaev's theoretic-methodological preferences. It is noted that F. I. Buslaev was attracted with «unconscious beliefs in all possible and impossible things, lofty flights to unknown, mysterious areas, religious worship of art to art» in romanticism. It is emphasized that F. I. Buslaev remained to be faithful to the interest in the psychological aspects determining the person's behaviour throughout all his further creative life though he «caught» romantic moods at the very beginning of the scientific career. It is noted that the most important merit of romanticists, unlike those educators who treated people disrespectfully and with disdain, was inclusion of the theme of people in literature and art, lots of work was done on studying the native language and folk art.

Keywords: German romanticism, Russian romanticism, «national spirit», national old times, language history, national legends, mythological consciousness.

Научная картина мира Ф. И. Буслаева сложилась под воздействием мифологической концепции знаменитого в свое время мыслителя, историка культуры Якова Гримма. Мироощущение Я. Гримма отражало идеологию и традиции мыслительной техники немецкой романтической школы, крупнейшим представителем которой и был этот прославленный, гениальный, по отзывам Ф. И. Буслаева [7, с. 553], ученый Германии, ставший главным научным наставником нашего соотечественника.

Свое приобщение к романтизму Ф. И. Буслаев считал закономерным и неизбежным, потому что в 40-е гг. этот тип культуры господствовал «над умами и сердцами» [8, с. 157], и настоящая духовная близость с Я. Гриммом, замеченная современниками [22, с. 133], только ускорила присвоение тонким по душевной организации молодым уче-

ным религиозно-философских и нравственно-эстетических идей этого интеллектуального течения.

Е. Ляцкий в своих преисполненных уважения к Ф. И. Буслаеву воспоминаниях сообщил следующее: «Я. Гримма Буслаев недаром избрал своим руководителем не только в науке, но и в жизни. Они были очень близки друг к другу и по схожести научных воззрений, и по сочувствию к народу, и по склонности к идеализации старины. Теория Я. Гримма была уже закончена... когда Ф. И. выступил на научное поприще, и знакомство с ней произвело на молодого тогда ученого неотразимое впечатление. Прежде всего своим настроением она пришлась ему по душе, а затем, прочно обоснованная на фактах сравнительного языкознания, она покорила его глубиной и стройностью своей системы и... органически срослась с научно-

поэтическим воззрением Буслаева, сделалась в применении к русской словесности его собственностью, в той же мере, в какой романтики могли считать своими идеалы, переработанные в душе...» [22, с. 133].

Романтизм, признававший «важность и значение прошлого... интерес к конкретным фактам, к своеобразию явлений прошлого», стал подходящей мировоззренческой платформой для тех представителей ученого мира, кто, как и Ф. И. Буслаев, верил в неразрывность процессов культурно-исторической динамики, в нерасторжимость современности с теми начальными формами цивилизации [6, с. 49], в которых еще на заре истории были «запрограммированы» идейно-нравственные, ментально-аксиологические ориентиры будущего развития национальности. Известный ученый рубежа XIX–XX вв. В. П. Бузескул выделил те характеристики романтизма, которые ему как историку представлялись наиболее значимыми для создававшихся в России первой половины XIX столетия направлений культурно-исторических исследований. Романтизм, стоявший, в его понимании, «за свободу личности, за народность, способствовавший [зарождению. – М. Н., Т. П.] национального сознания с его любовью к родной старине, к изучению народной жизни, быта, нравов, народного творчества», имел неоднозначное влияние на мыслительные реакции ученых, стремившихся познать прошлое своих соотечественников. «Он был недостаточно реалистичен, – утверждал В. П. Бузескул, – не придавал должного значения экономическим факторам – как творческое начало он выдвигал “народный дух”, склонен был к чрезмерным увлечениям, идеализации, фантазиям». Вместе с тем, уверяет историк, романтизм «старался придать прошлому “колорит места и времени”»; он пробуждал интерес к явлениям народной жизни, к целым эпохам (например Средневековью), на которые XVIII век, увлекавшийся абстрактными теориями, веривший в разум выдающихся личностей – носителей прогресса, смотрел свысока» [6, с. 49, 50].

Если рассматривать романтизм в более узком контексте – в предметном поле языкознания как первой плоскости развертывания научного потенциала Ф. И. Буслаева, то здесь представляется необходимым привести мнение знатока историографии славянской мифологии и фольклористики А. Л. Топоркова. Подчеркивая связь Ф. И. Буслаева (и его учеников А. Н. Афанасьева и А. А. Потебни) с «романтическим движением», он называет «романтическими по своему происхож-

дению» многочисленные идеи, которые превратились в «инструмент научного познания» основоположников отечественных мифологических теорий. К их числу, к примеру, относятся заимствованные из немецкой филологии, эстетики и философии теоретические положения «о возможности безличного коллективного творчества, о существовании надындивидуальной народной души, о мифологии как универсальном источнике национальной культуры... мифологической сущности народной поэзии». Элиминируя распространенные представления о дилетантизме «романтической науки», А. Л. Топорков, напротив, подчеркивает глубину, новизну и творческий характер «переосмысления» в отечественном языкознании заимствованных у немецких ученых убеждений о возможности проникновения в доисторическое прошлое с помощью языка, о бессознательном характере мифологического мышления, о мощном воздействии «мифических верований» на поведение человека и консолидацию первобытных и раннеклассовых обществ [30, с. 382–385].

Ф. И. Буслаев оставался верен романтическим идеалам идеализации и поэтизации явлений культуры, а также интересу к психологическим аспектам, детерминирующим поведение человека, на протяжении всего своего дальнейшего житнетворчества, хотя «заразился» романтическими умонастроениями в самом начале своей ученой карьеры.

Что привлекало Ф. И. Буслаева к романтизму? В мемуарах, подводя итог пережитому, он сообщает о том, что в «мечтательном романтизме» ему нравились «безотчетные верования во все возможное и невозможное, выпренинные полеты в неведомые, таинственные области, религиозное поклонение искусству для искусства» [8, с. 157]. Неизвестные наукам исторические дали, доступные лишь раскрепощенному сознанию, не связанному догматами наукоучений, были вызовом обыденности бытия и попыткой найти реализацию своим еще неоформленным, блуждающим мечтам в казавшемся великим и прекрасным прошлом человечества. Вся обстановка жизни, вспоминал Ф. И. Буслаев о 40-х гг. XIX в., «с ее толкотней и суматохой, с так называемой злобой дня казалась [мне. – М. Н., Т. П.] пошлой и невзрачной; надобно было зажмуривать глаза и затыкать уши, чтобы ничего повседневного не видеть и не слышать; надобно было уноситься от всех этих дрызгов в необозримую даль прошедшего и в фантастических потемках Средневековья искать светлые идеалы своих тревожных мечтаний» [8, с. 144].

Свое «упорное укрывательство в далекие области прошедшего» ученый объяснял не только тем, что его тяготила переживаемая им действительность, и даже не тем, что он не испытывал никакого интереса к «мудреной науке» современной истории. Его увлекал сам процесс «фантастического переселения... в далекие области заманчивого прошлого», которые хранили еще недоступные науке тайны и секреты старины. В своем воображении он, как это когда-то позволяли себе кумир московского студенчества первой половины XIX в. Т. Н. Грановский [8, с. 129] и его учителя, С. П. Шевырев и М. П. Погодин, хотел «пережить сполна» достигаемые пока только преимущественно полетом фантазии античную и средневековую эпохи «со всей обстановкой интересных подробностей», реставрировать главным образом в художественных образах разнообразные проявления давно минувшей жизни по отдельным «характеристическим частям» [8, с. 200, 202–205].

Очевидно, что еще на заре научной карьеры исследовательские интересы Ф. И. Буслаева были сосредоточены на познании мало тогда изученной национальной старины и «отроческого периода европейской культуры» – Средневековья с его религиозными и рыцарскими идеалами и теми ранними произведениями литературы и искусства, в которых «ясно пробивалась национальная струя» [24, с. 22]. Конечно, он не предавался иллюзиям возрождения средневековых общественных идеалов. Его привлекала сама идея постижения старины через сохранившиеся памятники ранней «безыскусственной поэзии» – так в то время назывался фольклор – и при помощи выражающих творчество народа произведений изобразительного искусства. Его вдохновляли попытки европейских мастеров слова преодолеть границы неизведанного и погрузиться в атмосферу родных национальных устоев, почти забытых современной цивилизацией, как развалины некогда величественного здания, сохраненных только в культуре простонародья.

«Романтическая школа, – подчеркивал Ф. И. Буслаев новаторство адептов этого интеллектуального течения, – открыла сокровища национальной старины: это было время, когда романы Вальтера Скотта, баллады Шиллера и Гете увлекали воображение в радужную светотень средних веков, когда Август Шлегель поклонялся Данте как отцу романтизма; когда эстетики и историки искусства извлекали новые источники эстетического наслаждения в свежем, безыскусственном вдохновении дотолы забытых мастеров

живописи, ваяния и зодчества XIV и XV столетий, когда Виктор Гюго еще в юношеских порывах своей необузданной фантазии вел своих изумленных читателей на таинственные высоты Notre-Dame de Paris...» [12, с. 249, 250].

«Мечтательная прелесть» европейской парадигмы романтизма вдохновляла молодого Буслаева на аналогичные, подражательные опыты. Вместе с тем в его сознании она транскрибировалась в «любовь и благоговение к своему, родному», и эти его «сентиментальные увлечения своей народностью» полностью соответствовали «складу умов сороковых годов» [15, с. 653].

«Мода на народность», зародившаяся «на западе, особенно в Германии» [13, с. 6, 7], восходила к немецкому национальному движению начала XIX в., появление которого было связано с бедствиями Германии в наполеоновских войнах [27, с. 708]. Повышенное чувство национального самосохранения, вылившееся в «возвеличение своей народности», прославление силы народного духа, развитие национального самосознания, стало мощным стимулом для формирования в немецкой гуманитарной науке таких направлений дискурса, как народная поэзия, народная мифология, народные древности.

«Руководящие идеи» изучения немецкой старины как прототипа современной народности принадлежали Я. Гримму. Его главные труды «Немецкая грамматика» (1819) и «Немецкая мифология» (1835) появились задолго до того, как они стали «оживляющей силой для русских изучений», отмечал А. Н. Пыпин, но и в 40-е гг. – «пору процветания романтизма», когда научная продукция порой превращалась в «туманную мистику», Я. Гримм «оставался верен лучшим стремлениям национальной идеи. Взгляд его был, в сущности романтический, но поддержанный научным знанием и личным характером и дарованием, вырос в возвышенное поэтическое воссоздание древности, которая представлялась ему как пора неиспорченного детства и отрочества народов, исполненная чувства природы, нравственной чистоты и непосредственности, богатого творчества фантазии, оживленная и выраженная народной поэзией. Громадная начитанность в средневековых памятниках немецкого и всех других европейских народов, историческое и сравнительно-филологическое изучение языка дали Гримму возможность произвести грандиозную реставрацию средневековой старины – в языке, юридическом быте, религии (мифологии), поэзии. Средневековый мир предстал в его трудах в яркой, поэ-

тически окрашенной картине, своеобразным и величавым, – и это изображение средних веков и их отражения в бережно хранимых преданиях современного народа произвело сильное впечатление, которое отозвалось и у нас» [27, с. 708, 709].

В этом апофеозе личности Я. Гримма и его научных достижений А. Н. Пыпин, обычно скупой на похвалу, объясняет причины идейной привязанности и душевной расположенности Ф. И. Буслаева к знаменитому немецкому ученому.

Ф. И. Буслаев, покоренный оригинальностью замыслов и свежестью мыслей немецкого романтика, смелой и стройной системой его умозаключений, пошел по стопам Я. Гримма. Излюбленные темы буслаевского творчества: русский язык в его доисторическом и историческом развитии, народное творчество в его первоначальных, «безыскусственных», формах, мифология (эпос) как выражение подлинно народного мирозерцания, слово как источник изучения народного духа и народной жизни [24, с. 21] – были подсказаны крупнейшим исследователем немецкой старины. «Возвеличение русской народной поэзии» в сочинениях Ф. И. Буслаева было, по мнению первого беспристрастного аналитика результатов изучения проблемы народности в России А. Н. Пыпина, «применением открытий германской учености» [27, с. 708]. Методы сравнительно-исторического языкознания, которые Федор Иванович первым применил на русской почве и на славяно-русском материале, тоже были рецепцией исследовательских приемов, успешно апробированных сначала Я. Гриммом [26, с. 126].

О зависимости направлений и результатов своей эвристической деятельности от успехов школы Я. Гримма сам Ф. И. Буслаев откровенно высказался в середине 50-х гг. XIX в., когда уже имел вес в научном мире. В рецензии на работу А. С. Хомякова «Сравнение русских слов с санскритскими» он назвал те самые глубокие и самые важные для себя идеи, которые, начиная с «Преподавания отечественного языка», вдохновляли его еще на протяжении двух десятилетий исследовательской деятельности. В частности, он утверждал, что лингвист имеет «разумную цель» только тогда, когда, не ограничивая свои интересы изучением букв, приставок и окончаний, стремится через язык постичь «духовную жизнь самого народа; когда в слове видит не случайное сочетание звуков... но живой отголосок ощущений, воззрений и нравственных, умственных или религиозных убеждений народа» [14, с. 517].

Такое отношение к языку было предложено именно Я. Гриммом, который в своих «лингвистических монографиях: “Грамматике”, “Мифологии”, “Древностях немецкого права”» – представил «образец глубокого понимания слова как самого чувствительного органа для выражения тончайших оттенков духовной жизни народа».

В трудах Я. Гримма, которые Ф. И. Буслаев называет «историко-лингвистическими», органично соединяются «глубокое воззрение философа и историка с самой строгой точностью грамматиста, останавливающего терпеливое внимание свое на каждой букве, на каждом едва заметном изменении звука в образовании и изменении слов. Читая его “Грамматику”, – с восхищением описывает мастерство учителя Федор Иванович, – чувствуешь живую связь языка с верованиями и убеждениями народа; изучая его “Мифологию”, невольно соглашаешься с его лингвистическими соображениями, основанными на самом точном соблюдении сравнительно-исторической грамматики».

Применению в лингвистических сочинениях «исторической методы» с внесением в нее сравнительного анализа языковых данных история лингвистики 40–50-х гг. обязана, по мнению Ф. И. Буслаева, именно «блистательным работам Я. Гримма» [14, с. 517–519].

Таким образом, Ф. И. Буслаеву посчастливилось уже в самом начале научной карьеры иметь в качестве ориентира и камертона своих трудов «образец... разумной системы языкознания» [14, с. 519], создателем которой был «властитель его дум» Я. Гримм.

Важно обратить внимание на то, что если в первой работе «О преподавании отечественного языка» Ф. И. Буслаева, поклонника «совершеннейшего лингвиста» Я. Гримма, язык привлекал главным образом как источник изучения «страны и истории народа» [10, с. 29, 340], то в более зрелых сочинениях рубежа 40–50-х гг. он, благодаря немецкому наставнику, стал относиться к языку как выражению «мыслительности народной», как самому «чувствительному органу» духовной жизни народа.

Однако не одна «только глубина и полнота воззрений на самую сущность изучаемого предмета» [14, с. 518] привлекала Ф. И. Буслаева к наследию прославленного немецкого ученого. По нашему убеждению, «духовная близость» с Я. Гриммом стала важным психологическим фактором, руководившим творчеством Ф. И. Буслаева.

Их сближали общность происхождения¹, вполне достаточная для ощущения душевного родства, и совпадение многих личностно-психологических качеств, обуславливавших сходство мироощущения и наивно-идеалистических представлений.

Ф. И. Буслаев производил впечатление «нравственно чистого, серьезного юноши, романтически влюбленного в науку, добродушного, чуждого житейских расчетов» [24, с. 20]. О Я. Гримме А. Н. Пыпин писал как о достойном человеке и ученом, чуждом корыстных интересов: «Его личная натура, увлечение ученого и пристрастие идеалиста выискивали в этом мире все, что было в нем поэтического, человечески истинного и достойного...» [27, с. 710].

Немецкого романтика и сентиментально-восторженного молодого русского ученого, выбравших одну и ту же научную стезю, тесно связали, помимо сходства в психическом складе, «благородная демократическая черта сочувствия к низшим народным классам» [27, с. 711], уважение к национальной старине, искренняя вера в высокую нравственность и идейное совершенство произведений народного духа: верований, поэзии, преданий.

Приступая к самостоятельным исследовательским поискам в обстановке господства культуры романтизма и под мощным влиянием одного из самых известных романтиков своего времени, Я. Гримма, Ф. И. Буслаев стал «типичным романтиком, принявшим всю методологию романтической школы и всю жизнь находившимся под ее обаянием» [2, с. 56].

В то время, когда в России приближалась эпоха «критического разума и демократизации литературы» [27, с. 707], обращенные к творческой личности императивы романтизма: примат воображения над рассудком, противостоящая обыденности интенция раскрепощения личности, имплицитная потребность в высшей социально-нравственной гармонии, тяготение к сентиментализму и анакреонтике – могли выглядеть аполитичными и даже реакционными.

В то же время авторитет «апостолов романтизма», таких как И. И. Винкельман, Г. Э. Лессинг, И. Г. Гердер, Ф. В. Й. Шеллинг, И. В. Гете, И. Ф. Шиллер, В. Скотт, Д. Г. Н. Байрон, и других выдающихся писателей и ученых XVIII – начала XIX в. делал оправданным отрицание классицизма и отвлеченной рассудочной просветительской философии, проповедование культа страсти и творческой фантазии, поддержание обостренно-

го интереса к проблеме народности и ее самобытности, начало противостояния естественных и исторических наук, а также противопоставления природы и цивилизации, увлечение историей, получившей тогда репутацию парадигматической науки о человеке и его духе [16, с. 512, 520, 523; 20, с. 18].

Романтическая философия в лице Ф. Шеллинга поставила во главу угла учение о смысле мировой истории и о национальном самосознании [1, с. 182]. «Сильным орудием» романтизма оказался историзм – «многостороннее и последовательное освещение исторического процесса», что бросало вызов одностороннему и тенденциозному освещению истории сторонниками «примата разума» XVIII в. [20, с. 223–226]. Романтическое недоверие к разуму вело к представлению о принципиальной бедности понятий, по сравнению с жизнью, о зависимости теоретического разума от практического, а понятий – от этических суждений. Историческое познание, как тогда казалось, было лишено этих недостатков, так как считалось творчеством, которое позволяет схватывать смысл индивидуальных явлений благодаря причастности историка к высшему разуму. Представления о всеобщем присутствии духа в мире как о факторе гармонии и высшего смысла, а также оптимистические ожидания возможности историков проникнуть в смысл культур иных эпох в интуитивном творческом акте, квазибожественном по своей природе, раскрыть недоступную наблюдению «внутреннюю правду» событий прошлого давали эпистемологическое обоснование, иррационально пантеистическое по своей сути, творческим процедурам историков. Пантеистические установки делали их причастными к мировой культурной традиции [4, с. 103].

Важнейшей заслугой романтиков, в отличие от просветителей, относившихся к народу с пренебрежением, свысока, было включение темы народа в литературу и искусство, проведение большой работы по изучению языка и народного творчества [19, с. 631, прим. 1].

Современные исследователи романтизма называют его культурным феноменом, универсальным по своему масштабу и мировоззренческим функциям, который знаменовал собой колоссальный переворот в умах людей, в их «коренных, аксиоматических представлениях» [25, с. 70], а следовательно, и в стиле мышления, и в восприятии образа мира, и в выборе моделей поведения. Являясь фактором реального исторического процесса, романтизм породил новое сознание, требующее

«идти вглубь и вширь, думать обо всем, решать все вопросы» сразу [25, с. 71]. Это дает основание оценивать романтизм не только как «направление в истории мысли» или как «литературное и общественное течение», а как «систему мировоззрения и тип культуры» [28, с. 169–174]. Поэтому он не ограничивался идеологией и эстетикой – романтизм, став «языком эпохи», породил свои критерии истины, систему идей и понятий, он манифестировал разрыв с несостоятельными, по мнению его приверженцев, нормами и теориями, которые замещались «плавным переходом между всем художественным и научным» [25, с. 523, прим.].

При наличии типически схожих экспликаций у всех без исключения участников этого «универсального, всемирно-исторического поворота», романтизм обладал своей национальной спецификой, а у его последователей допускал индивидуальные языковые и стилистические воплощения [25, с. 523, прим.].

В России романтизм оформился в конце XVIII – первой трети XIX в. под влиянием европейского романтизма и русского сентиментализма. Адепты этого типа культуры, вне зависимости от появившихся внутри его инвариантов (логического, этического или их интегративной формы), стремились следовать потребностям своей души и велениям сердца и потому удалялись от эмпирической реальности, бросали вызов обыденности, отстаивали свободу мысли и переживания [28, с. 169–174].

Отсутствие жестких правил и канонов, возможность выразить свое лирически-сентиментальное настроение, предаться игре воображения при создании культурно-исторических реконструкций привлекали к романтизму и по-юношески восторженного Ф. И. Буслаева. Природная мечтательность, душевная чистота гармонично совпадали с идеализированным им образом народной культуры, которая в свойственном романтизму ключе рассматривалась как воплощение народного духа. Ему особенно импонировала глубина мысли и чувства немецкого романтизма, поэтому даже в 50–60-е гг. Ф. И. Буслаев сохранял приверженность учению Я. Гримма и разделял идеалы немецких романтиков.

В конце 40-х гг. XIX в., о которых идет речь сейчас, он находил в исследованиях Я. Гримма столько новизны, очарования и вдохновения, испытывал столько «благоговения» [8, с. 299], что считал своим священным долгом во всех деталях воспроизвести концепцию своего кумира в маги-

стерской диссертации, правда, расширив материалы исследования за счет сведений из славянских, и особенно русских, источников, не известных Я. Гримму.

Диссертация Ф. И. Буслаева, представленная ученому совету Московского университета в 1848 г., называлась «О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию».

За основу своего исследования он взял лингвистические данные Остромирова евангелия (1056–1057 гг.) – древнейшего на Руси датированного памятника, текст которого представлял собой самый ранний перевод Святого Писания на славянский язык [9, с. 6]. Оно было переведено с болгарских церковных книг новгородским дьяконом Григорием для посадника Остромира, почему и стало называться Остромировым [11, с. 14, §14, прим.].

Как профессионального филолога Ф. И. Буслаева привлекала история языка, который, по его убеждениям, являлся «результатом и показателем умственной жизни» народа [17, с. 56].

«Точный микроскопический анализ сравнительной и исторической грамматики» [8, с. 300], который соискатель впервые в России использовал при изучении старейшего религиозного текста, ему был нужен не ради извлечения «сухих, бессодержательных окончаний склонений и спряжений» [8, с. 308]. Ф. И. Буслаева интересовали «самые слова как выражения впечатлений, понятий и всего мирозерцания народа в неразрывной связи его с религией и с условиями быта семейного и гражданского» [8, с. 308]. Идея о языке как богатейшем источнике изучения истории, быта, религиозно-нравственных воззрений народа в доисторическую эпоху, прежде едва только намеченная им в магистерской диссертации, предстала уже в систематизированном виде и концептуальной форме.

Ученый показал, что Остромирово евангелие, хронологически относившееся к периоду Средневековья, содержит свидетельства о многих сторонах жизни далекой первобытной эпохи, по-прежнему хранившей для науки статус недоступности. Помимо сведений о семейных и общественных отношениях, правовых и военных установлениях славян, он выявил в тексте языческий взгляд на природу и попытался осмыслить сущность мифологических представлений, причем не только того времени, когда славянские просветители – братья Кирилл и Мефодий перевели с греческого языка на славянский первые богослужб-

ные книги (IX в.), но и более раннего, бесписьменного, дохристианского, или мифологического, периода.

Пользуясь сравнением славянского перевода евангелия с готским переводом Святого Писания, осуществленным епископом Ульфиллой в IV в., Ф. И. Буслаев предпринял попытку реконструкции быта, культуры, верований и славян, и германского племени готов в дописьменный период их истории, отразившейся и сохранившейся в языке. Ф. И. Буслаев предпринял усилия заглянуть в самый глубокий пласт языковой древности славян и готов, оформившийся в эпоху индоевропейского единства, когда эти и другие племена индоевропейцев были одним общецарийским народом, жившим в Азии, молившимся одним богам, говорившим на одном языке, и привлеченные языковые свидетельства позволяли ему извлечь ценные данные об этой древнейшей, пока еще не известной науке культурно-исторической эпохе. О воссоздании по данным сравнительного и исторического языкознания «бытовой картины такой отдаленной эпохи... русская наука до Буслаева и помышлять не могла» [22, с. 132].

Выбор темы для диссертации и «блестящее», по отзывам современников, применение «точного и достоверного» метода сравнительно-исторического анализа языковых материалов, которым, как мы уже знаем, Федор Иванович был «обязан знаменитому немецкому ученому Якову Гримму» [22, с. 133], характеризовали «широкий культурно-исторический горизонт» талантливого соискателя [24, с. 25]. «Он во всеоружии тогдашних научных средств разрабатывает такой вопрос... в котором филолог является необходимым помощником и руководителем историка культуры... Ученая реставрация целого периода культуры народа, трудное восстановление по отдельным кусочкам старинной разбитой мозаики» [24, с. 25, 26] и в наши дни продолжает считаться «одним из замечательнейших опытов истории языка, понимаемой в связи с движением жизни и культуры» [3, с. 25]. В конце 40-х гг. XIX в. диссертация «на степень магистра кандидата Ф. Буслаева» воспринималась «совершеннейшей новостью» в научном пространстве России: «из древностей славянского языка», по отзыву А. Н. Пыпина, соискателем «извлекалась бытовая картина такой далекой поры, на исследование которой... еще никогда не покушалась русская наука» [26, с. 80].

Положения, выносившиеся на защиту, как мы можем убедиться в этом сами, не имели строго лингвистического характера – они вновь явно от-

ражали научные интенции Ф. И. Буслаева, связанные с созданием новой отрасли интегративного знания, объединявшего замыслы и исследовательские усилия лингвиста, литературоведа, историка по восстановлению древнейшего способа миропонимания людей, еще не миновавших в своем развитии первобытного уклада жизни.

О важности результатов работы свидетельствует тот факт, что в мемуарах Ф. И. Буслаев охотно цитирует выводы диссертации, не исправляя и не уточняя их [8, с. 309]. Он явно гордится своими успехами, поэтому не видит основания для каких-либо корректив. Приведем наиболее важные, на наш взгляд, тезисы его магистерского сочинения.

«1. История языка стоит в теснейшей связи с преданиями и верованиями народа. 2. В период своего образования язык носит на себе следы мифологии народной. 3. Древнейшие эпические формы ведут свое происхождение от образования самого языка. 4. Родство языков индоевропейской отрасли сопровождается согласием преданий и поверий, сохранившихся в этих языках. 5. Мифологические предания славян должны быть изучаемы... преимущественно с преданиями немецких племен» [9, с. 209].

В остальных одиннадцати положениях своей диссертации Ф. И. Буслаев подводил итоги сравнительного анализа Остромирова евангелия и готского перевода Библии, выделяя в дохристианских языковых пластах генетически родственных и стадияльно близких славян и готов общие обычаи и верования, отмечая способы присвоения язычеством христианских идей, обращая внимание на роль чужеземных влияний как в механизмах словообразования, так и в динамике общественно-политических отношений индоевропейских народов [9, с. 210, 211].

Выводы об органической связи языка и народного предания, живущего в современных мифах, сказках, песнях, пословицах, обрядах, деталях быта, о родстве преданий и верований, основанных на сходстве мифологических представлений индоевропейцев, в XX в. будут названы главными положениями «мифологической теории» Ф. И. Буслаева [3, с. 28].

После успешной защиты диссертации тридцатилетнего автора стали называть «первым по времени и по достоинству работником в области сравнительной истории духовной жизни главнейших европейских племен в важный момент их перехода от язычества к христианству» [17, с. 57]. О его исследовании говорили не как о «формально-лингвистической работе» – первый подлинно

научный труд Ф. И. Буслаева оценили «одним из замечательнейших» и даже в 60-е гг. ничем лучшим не замененным «опытом истории языка», который имел «археологически-бытовой, или культурный, характер» [21, с. 120–124]. Благодарные ученики Ф. И. Буслаева утверждали, что он «впервые открыл новые горизонты для русской этнографии и археологии. После него, – отмечал Е. Ф. Будде, – мы узнали, что можно изучать язык в его истории, или, что то же, историю языка, мы узнали, что язык имеет свою историю, как и все на свете; нас убедил Буслаев в том, что язык есть наиболее беспристрастный свидетель прошлого, что показания языка не зависят от личных отношений свидетеля к современному событию или лицу, что всякое название вещи в языке есть уже самое точное доказательство того, что вещь эта существовала у народа, в языке которого нашли соответствующее название» [5, с. 482].

Для нас наиболее важен следующий посыл магистерской диссертации Ф. И. Буслаева. Восстановив (в общих чертах) картину верований язычников в доисторический период, он сформулировал главную задачу для дальнейших научных изысканий: через язык – хранитель народной мифологии и всех форм древнейшей народной поэзии – изучать мифологическое сознание славян в обязательной связи с их эпическим наследием в целом, а также в сравнении с мифологией и эпосом других индоевропейцев.

Когда в процессе обсуждения положений, выносимых на защиту, М. Н. Катков стал «нападать на соискателя за то, что он соединил «интересы лингвистические с историческими», Ф. И. Буслаев с вызовом назвал себя «хозяином диссертации» [8, с. 310], дав понять членам совета, что он имеет полное право на обнародование своих научных пристрастий и в языкознании, и в широко понимаемой им – от самых глубин культуры – истории. Этот вызов научному сообществу Московского университета подчеркивал намерение Ф. И. Буслаева редуцировать в гуманитаристике узкую специализацию наук и стать многопрофильным историком культуры – основателем нового направления дискурса: изучения архаичных устойчивых структур человеческого сознания, или духа народа, через язык и народную поэзию.

За свою магистерскую диссертацию Ф. И. Буслаев был удостоен золотой медали Русского географического общества (1851); Академия наук избрала его членом-корреспондентом (1852) [29, с. 26].

Профессиональная карьера ученого быстро пошла в гору. Он приобрел степень магистра русской словесности и получил «штатное место адъюнкта по кафедре русской словесности» Московского университета [8, с. 312]. Два года спустя, в 1851 г., Ф. И. Буслаев стал экстраординарным профессором старейшего флагмана российского университетского образования, а в 1859 г. – ординарным [23, с. 109], возглавив кафедру русской словесности.

Библиографический список

1. Азадовский, М. К. История русской фольклористики: в 2 т. – Т. 1 [Текст] / М. К. Азадовский. – М., 1958.
2. Азадовский, М. К. История русской фольклористики: в 2 т. – Т. 2. [Текст] / М. К. Азадовский. – М., 1963.
3. Академические школы в русском литературоведении [Текст]. – М., 1976.
4. Алпатов, М. А. Русская историческая мысль и Западная Европа (XVIII – первая половина XIX в.) [Текст] / М. А. Алпатов. – М., 1985.
5. Будде, Е. О заслугах Буслаева как ученого лингвиста и преподавателя: речь, читанная в торжественном заседании Казанского общества археологии, истории и этнографии 28 сентября 1897 года [Текст] / Е. Будде // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка. – С. 480–493.
6. Бузескул, В. Всеобщая история и ее представители в России в XIX и начале XX века [Текст] / В. Бузескул. – Ч. 1. – Л., 1929.
7. Буслаев, Ф. И. «Индо-германы, или сайване» А. Ф. Вельтмана [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о первобытном человечестве. – М., 2006. – С. 546–559.
8. Буслаев, Ф. И. Мои воспоминания [Текст] / Ф. И. Буслаев; изд. В. Г. фон Бооля. – М., 1897.
9. Буслаев, Ф. И. О влиянии христианства на славянский язык. Опыт истории языка по Остромирову евангелию [Текст] / Ф. И. Буслаев. – М., 1848.
10. Буслаев, Ф. И. О преподавании отечественного языка [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Преподавание отечественного языка / сост. И. Ф. Протченко, Л. А. Ходякова. – М., 1992. – С. 25–373.
11. Буслаев, Ф. И. Опыт исторической грамматики русского языка [Текст]: уч. пос. для преподавателей / Ф. И. Буслаев. – М., 1858.
12. Буслаев, Ф. И. Погодин как профессор [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Мои досуги: в 2 ч. – Ч. 2. – М., 1886. – С. 239–258.
13. Буслаев, Ф. И. Русский богатырский эпос [Текст] / Ф. И. Буслаев // Народная поэзия. – СПб., 1887. – С. 1–215.
14. Буслаев, Ф. И. «Сравнение русских слов с санскритскими» А. С. Хомякова [Текст] / Ф. И. Буслаев // Буслаев Ф. И. Догадки и мечтания о

первобытном человечестве / сост., подг. текста, статья и коммент. А. Л. Топоркова. – М., 2006. – С. 516–537.

15. Буслаев, Ф. И. Сравнительное изучение народного быта и поэзии [Текст] / Ф. И. Буслаев // Русский вестник: журнал литературный и политический, издаваемый М. Катковым. – 1872. – № 10. Октябрь. – С. 645–727.

16. Гуревич, А. М. О типологических особенностях русского романтизма [Текст] / А. М. Гуревич // К истории русского романтизма. – М., 1973. – С. 505, 525.

17. Кирпичников, А. Буслаев как основатель истории всеобщей литературы [Текст] / А. Кирпичников // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – М., 1898. – С. 54–60.

18. Кирпичников, А. Ф. И. Буслаев как идеальный профессор 60-х годов [Текст] / А. Ф. Кирпичников // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – С. 148–198.

19. История фольклористики в Европе [Текст] / Дж. Коккъяра ; пер. с ит. – М., 1960.

20. Копосов, Н. Е. Как думают историки [Текст] / Н. Е. Копосов. – М., 2001.

21. Котляревский, А. А. Библиографический опыт о древней русской письменности [Текст] / А. А. Котляревский // Из «Филологических записок 1879–1880 гг.» – Воронеж, 1881. – С. 120–124.

22. Ляцкий Е. Значение трудов Ф. И. Буслаева по народной словесности [Текст] / Е. Ляцкий // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – С. 129–147.

23. Материалы для биографического словаря действительных членов Академии наук [Текст]. – Т. III, ч. 1, А–Л. – Пг., 1915 // Чурмаева Н. В. Ф. И. Буслаев. – М., 1984. – С. 109–110.

24. Миллер Вс. Памяти Федора Ивановича Буслаева [Текст] / Вс. Миллер // Памяти Федора Ивановича Буслаева. – С. 5–42.

25. Михайлов, А. В. Языки культуры [Текст] : учебное пособие по культурологии / А. В. Михайлов. – М., 1997.

26. Пыпин, А. История русской этнографии [Текст] / А. Пыпин : в 2 т. – Т. 1. Общий обзор изучений народности и этнография великорусская. – СПб., 1891.

27. Пыпин А. Новейшие исследования русской народности [Текст] / А. Пыпин // Вестник Европы: журнал истории, политики и литературы. – Кн. 10. 1883. – Октябрь. – С. 695–742.

28. Сараева, Е. Л. Русская интеллигенция в рефлексии Иванова-Разумника [Текст] / Е. Л. Сараева. – Ярославль, 2014.

29. Смирнов, С. В. Федор Иванович Буслаев [Текст] / С. В. Смирнов. – М., 1978.

30. Топорков, А. Л. Теория мифа в русской филологической науке XIX века [Текст] / А. Л. Топорков. – М., 1997.

2. Azadovskij, M. K. Istorija russoj fol'kloristiki: v 2 t. – Т. 2. [Текст] / М. К. Azadovskij. – М., 1963.

3. Akademicheskie shkoly v russkom literaturovedenii [Текст]. – М., 1976.

4. Alpatov, M. A. Russkaja istoricheskaja mysl' i Zapadnaja Evropa (XVIII – pervaja polovina XIX v.) [Текст] / М. А. Alpatov. – М., 1985.

5. Budde, E. O zaslugah Buslaeva kak uchenogo lingvista i prepodavatelja: rech', chitannaja v torzhestvennom zasedanii Kazanskogo obshhestva arheologii, istorii i jetnografii 28 sentjabrja 1897 goda [Текст] / E. Budde // Buslaev F. I. Prepodavanie otechestvennogo jazyka. – S. 480–493.

6. Buzeskul, V. Vseobshhaja istorija i ee predstaviteli v Rossii v XIX i nachale XX veka [Текст] / V. Buzeskul. – Ch. 1. – L., 1929.

7. Buslaev, F. I. «Indo-germany, ili sajvane» A. F. Vel'tmana [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve. – М., 2006. – С. 546–559.

8. Buslaev, F. I. Moi vospominanija [Текст] / F. I. Buslaev ; izd. V. G. fon Boolja. – М., 1897.

9. Buslaev, F. I. O vlijanii hristianstva na slavjanskij jazyk. Opyt istorii jazyka po Ostromirovu evangeliju [Текст] / F. I. Buslaev. – М., 1848.

10. Buslaev, F. I. O prepodavanii otechestvennogo jazyka [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Prepodavanie otechestvennogo jazyka / sost. I. F. Protchenko, L. A. Hodjakova. – М., 1992. – С. 25–373.

11. Buslaev, F. I. Opyt istoricheskoi grammatiki russkogo jazyka [Текст] : uch. pos. dlja prepodavatelej / F. I. Buslaev. – М., 1858.

12. Buslaev, F. I. Pogodin kak professor [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Moi dosugi : v 2 ch. – Ch. 2. – М., 1886. – С. 239–258.

13. Buslaev, F. I. Russkij bogatyrskij jepos [Текст] / F. I. Buslaev // Narodnaja poezija. – SPb., 1887. – S. 1–215.

14. Buslaev, F. I. «Srvnenie russkih slov s sanskritskimi» A. S. Homjakova [Текст] / F. I. Buslaev // Buslaev F. I. Dogadki i mechtanija o pervobytnom chelovechestve / sost., podg. teksta, stat'ja i komment. A. L. Toporkova. – М., 2006. – С. 516–537.

15. Buslaev, F. I. Sravnitel'noe izuchenie narodnogo byta i poezii [Текст] / F. I. Buslaev // Russkij vestnik: zhurnal literaturnyj i politicheskij, izdavaemyj M. Katkovym. – 1872. – № 10. Oktjabr'. – С. 645–727.

16. Gurevich, A. M. O tipologicheskikh osobnostjakh russkogo romantizma [Текст] / А. М. Gurevich // К истории русского романтизма. – М., 1973. – С. 505, 525.

17. Kirpichnikov, A. Buslaev kak osnovatel' istorii vseobshhej literatury [Текст] / А. Kirpichnikov // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – М., 1898. – С. 54–60.

18. Kirpichnikov, A. F. I. Buslaev kak ideal'nyj professor 60-h godov [Текст] / А. Ф. Kirpichnikov // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – С. 148–198.

19. Istorija fol'kloristiki v Evrope [Текст] / Dzh. Kokk'jara ; per. s it. – М., 1960.

Bibliograficheskij spisok

1. Azadovskij, M. K. Istorija russoj fol'kloristiki: v 2 t. – Т. 1 [Текст] / М. К. Azadovskij. – М., 1958.

20. Kopusov, N. E. Kak dumajut istoriki [Tekst] / N. E. Kopusov. – М., 2001.
21. Kotljarevskij, A. A. Bibliograficheskiy opyt o drevnej russoj pis'mennosti [Tekst] / A. A. Kotljarevskij // Iz «Filologicheskikh zapisok 1879–1880 gg.» – Voronezh, 1881. – S. 120–124.
22. Ljackij E. Znachenie trudov F. I. Buslaeva po narodnoj slovesnosti [Tekst] / E. Ljackij // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – S. 129–147.
23. Materialy dlja biograficheskogo slovarja dejstvitel'nyh chlenov Akademii nauk [Tekst]. – T. III, ch. 1, A–L. – Pg., 1915 // Churmaeva N. V. F. I. Buslaev. – М., 1984. – S. 109–110.
24. Miller Vs. Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva [Tekst] / Vs. Miller // Pamjati Fedora Ivanovicha Buslaeva. – S. 5–42.
25. Mihajlov, A. V. Jazyki kul'tury [Tekst] : uchebnoe posobie po kul'turologii / A. V. Mihajlov. – М., 1997.
26. Pypin, A. Istorija russoj jetnografii [Tekst] / A. Pypin : v 2 t. – T. 1. Obshhij obzor izuchenij narodnosti i jetnografija velikoruskaja. – SPb., 1891.
27. Pypin A. Novejshie issledovaniya russoj narodnosti [Tekst] / A. Pypin // Vestnik Evropy: zhurnal istorii, politiki i literatury. – Kn. 10. 1883. – Oktjabr'. – S. 695–742.
28. Saraeva, E. L. Russkaja intelligencija v refleksii Ivanova-Razumnika [Tekst] / E. L. Saraeva. – Jaroslavl', 2014.
29. Smirnov, S. V. Fedor Ivanovich Buslaev [Tekst] / S. V. Smirnov. – М., 1978.
30. Toporkov, A. L. Teorija mifa v russoj filologicheskoy nauke XIX veka [Tekst] / A. L. Toporkov. – М., 1997.

¹ Я. Гримм, как и его брат, тоже известный лингвист, Вильгельм, вышли из бедной бюргерской семьи. Ф. И. Буслаев, рано лишившийся родителей, и в детстве, и в студенческие годы испытывал серьезные материальные затруднения [8, с. 47–58].